

адель
фабер
элейн
мазлиц

как
ГОВОРИТЬ
с детьми,
чтобы они
УЧИЛИСЬ

«Если вы – учитель или родитель,
вам просто не обойтись без этой книги».

The Washington Post

как говорить с детьми,
чтобы они учились

О

фабер
адель
элейн
мазлиц

Ребенок понимает отношение к нему родителей и учителей по тому, как они разговаривают с ним. Слова взрослых влияют на самооценку ребенка и его чувство собственного достоинства. Речь взрослых в значительной степени определяет судьбу ребенка.

Хаим Гинотт

Оглавление

От авторов	9
Как появилась эта книга	10
«Я» в нашей книге — кто это?	15
<i>Глава 1. Как справиться с чувствами, которые влияют на желание учиться</i>	17
<i>Глава 2. Семь приемов, которые помогут подтолкнуть детей к взаимодействию</i>	59
<i>Глава 3. Недостатки наказания: альтернативы, которые ведут к самодисциплине</i>	101
<i>Глава 4. Совместное решение проблем: шесть шагов к пробуждению в ребенке творческого начала и умения сосредоточиваться</i>	134
<i>Глава 5. Похвала, которая не унижает; критика, которая не ранит</i>	176
<i>Глава 6. Как избавить ребенка от надоевшей роли</i>	210
<i>Глава 7. Взаимодействие родителей и учителей</i>	247
<i>Глава 8. Ловец снов</i>	283

От авторов

Эта книга родилась благодаря помощи множества людей, которые верили в наш успех. Нам много помогали родные и друзья. Родители, учителя и психологи из Соединенных Штатов и Канады рассказывали нам о том, как применяют навыки общения дома и в работе. Многие беседовали с нами, другие присылали письма. Джоанна Фабер десять лет преподавала в городской школе и снабдила нас множеством трогательных примеров из собственной школьной практики. Большую поддержку и помощь оказали нам университет Брэдли и начальная школа Бреттейн. Мы бесконечно благодарны нашей постоянной художнице Кимберли Энн Коуи, которая снова сумела разобраться в наших беглых набросках, вдохнуть в них жизнь и тепло. Нужные советы в нужное время давал наш литературный агент Боб Маркел. Мы постоянно чувствовали сердечную поддержку нашего издателя Элинор Роусон, которая всегда знала, в каком направлении мы должны двигаться дальше.

Наконец, мы хотим поблагодарить доктора Томаса Гордона за огромную работу, сделанную им в области отношений между взрослыми и детьми. Конечно, мы не можем не упомянуть и нашего наставника доктора Хаима Гинотта. Именно он помог нам понять, почему «каждый учитель в первую очередь должен учить человечности, а уже потом — своему предмету».

Как появилась эта книга

Идея этой книги возникла, когда мы, две молодые матери, пришли в родительскую группу известного детского психолога доктора Хаима Гинотта. После каждого занятия мы возвращались домой вместе и всю дорогу поражались эффективности новых навыков общения, которым только что научились. Мы так сожалели, что не владели ими много лет назад, когда профессионально работали с детьми: одна из нас преподавала в средних школах Нью-Йорка, а вторая — по соседству, на Манхэттене.

Тогда мы и предположить не могли, к чему приведут эти занятия. Спустя двадцать лет написанные нами книги для родителей разошлись по миру тиражами более 2 млн экземпляров и были переведены более чем на десять языков. Лекции, которые мы читали практически во всех штатах США и в каждой провинции Канады, собирают множество заинтересованных слушателей. Более 50 тысяч групп пользуются нашими аудио- и видеоматериалами в таких странах, как Никарагуа, Кения, Малайзия и Новая Зеландия. В течение двадцати лет мы постоянно слышим рассказы учителей о том, как благотворно сказалось на их работе посещение наших лекций, прослушивание наших курсов или чтение наших книг. Эти люди буквально требовали, чтобы мы написали книгу специально для них.

Педагог из города Трой, штат Мичиган, написала:

Я более двадцати лет работала с непослушными школьниками из группы риска. Я была поражена тому, как много нового смогла почерпнуть для себя из ваших книг для родителей... Сегодня в районе, где я консультирую учителей, разрабатывается новый план школьной дисциплины. Я искренне убеждена, что философия вашей книги послужит краеугольным камнем нового плана. Не собираетесь ли вы написать книгу специально для учителей?

Школьный социальный работник из города Флорисант, штат Миссури, написала:

Недавно я познакомилась с программой вашего группового семинара «Как говорить так, чтобы дети слушали» родителей нашего района. Одна из матерей, сама педагог, начала применять новые навыки в школе и заметила, что проблем с поведением в ее классе стало значительно меньше. На это обратила внимание и директор школы, которую беспокоило увеличение количества наказаний и исключений из ее учебного заведения. Она была так поражена переменами, произошедшими в нашем классе, что попросила меня провести семинар для всех учителей.

Результаты оказались потрясающими. Резко сократилось количество «просьб» о наказаниях и временно-го отстранения от занятий. Дети стали реже прогуливать уроки, а их самооценка значительно повысилась.

Психолог из Нью-Йорка написала нам:

Меня серьезно беспокоило, что становится все больше детей, которые приходят в школу с ножами и огнестрельным оружием. Я постоянно думаю о том, что увеличение количества охранников и установка металлодетекторов нам не помогут. Важно наладить эффективное общение с детьми. Возможно, если бы учителя владели теми навыками, о которых вы рассказываете, им стало бы легче помогать детям справляться с их сложными проблемами ненасильственным путем. Не хотите ли вы написать книгу для учителей, директоров школ, членов родительских комитетов, помощников учителей, водителей школьных автобусов, секретарей и т.д. и т.п.?

Мы очень серьезно отнеслись к этим предложениям, но решили, что не можем принять на себя такую ответственность и написать книгу специально для учителей. В конце концов, мы уже давно не занимаемся преподаванием.

А потом нам позвонили Розалин Темплтон и Лиза Найберг. Лиза оказалась учительницей третьих и четвертых классов начальной школы Бреттейн в Спрингфилде, штат Орегон. Розалин готовила будущих учителей в университете Брэдли в Пеории, штат Иллинойс. Обе они были не удовлетворены широким использованием принуждения и наказаний в дисциплинарных целях в средних школах. Лиза и Розалин сообщили нам, что они давно собирают материалы с тем, чтобы предложить учителям альтернативные методы, которые по-

зволили бы сделать учеников более сосредоточенными и дисциплинированными. Прочитав нашу книгу «Как говорить так, чтобы дети слушали, и слушать так, чтобы дети говорили», они поняли, что это — именно то, что им нужно, и попросили нашего разрешения адаптировать эту книгу для учителей.

В процессе разговора стало ясно, что опыт этих преподавателей очень широк. Обе женщины преподавали в городских, пригородных и сельских школах в разных регионах страны, обе имели ученую степень в области образования и вели различные семинары для учителей. Неожиданно проект, воплощение которого мы так долго откладывали, показался вполне реализуемым. Если, в дополнение к нашему собственному опыту преподавания и материалам, которыми снабжали нас учителя в течение двадцати лет, мы сможем использовать еще и огромный опыт этих двух педагогов, то у нас может получиться весьма полезная книга.

Тем летом Розалин и Лиза прилетели к нам. Мы с самого начала нашли общий язык. Обсудив примерный план книги, мы решили изложить материал с точки зрения молодой учительницы, которая пытается найти способ достучаться до своих учеников. В этом образе мы хотели объединить наш собственный опыт. Мы также решили использовать те же элементы, что и в предыдущих наших книгах — комиксы, «вопросы и ответы» и иллюстрированные сюжеты.

Но чем дольше мы общались, тем яснее становилось, что если мы собираемся охватить всю проблему детского образования, то нам придется выйти за пределы

школьного класса и уделить не меньшее внимание первому учителю, который постоянно присутствует в жизни ребенка, то есть родителю. Что бы ни происходило в школе с 9.00 до 15.00, все это в значительной степени определяется тем, что происходит с ребенком до и после этого времени. Сколь бы благими ни были намерения родителя и учителя, если у них обоих не будет средств их реализации, ребенок вырастет неудачником.

Родителям и учителям нужно объединить усилия и сформировать работоспособное партнерство. Им необходимо понимать разницу между словами, которые деморализуют или вселяют уверенность; ведут к конфронтации или способствуют взаимодействию; лишают ребенка способности мыслить и сосредоточиваться или пробуждают в нем естественное желание учиться.

Нам стало ясно, что на нас лежит огромная ответственность перед современными детьми. Никогда раньше такое огромное число детей не сталкивалось с таким огромным количеством образов бессмысленной жестокости. Никогда раньше дети не были свидетелями того, что множество проблем можно решить путем силы, ножами, стрельбой или бомбами. Никогда раньше мы не испытывали такой экстренной потребности в том, чтобы показать нашим детям реальную модель решения проблем путем честного и уважительного общения. Только так мы можем оградить подрастающее поколение от импульсов насилия. Когда возникают неизбежные моменты подавленности и ярости, дети могут потянуться за оружием, а могут выбрать слова, которые они слышали от людей, играющих важную роль в их жизни.

Вот с такими убеждениями мы и приступили к нашей работе. Прошло три года. Мы писали и переписывали нашу книгу, а когда рукопись была закончена, почувствовали глубокое удовлетворение. Мы разработали четкий и понятный набор советов на тему «Как разговаривать с детьми, чтобы они хотели учиться и дома, и в школе». Мы привели конкретные примеры отношений и слов, которые найдут путь к любому сердцу в процессе обучения. Мы показали, как создать эмоциональную среду, в которой дети не будут бояться воспринимать все новое и незнакомое. Мы продемонстрировали, как детей можно подтолкнуть к принятию ответственности и выработке самодисциплины, и разработали множество методов, которые помогают детям понять, кто они есть и кем могут стать.

Мы искренне надеемся, что наши идеи помогут вам вдохновить и направить на верный путь подрастающее поколение.

«Я» в нашей книге — кто это?

Мы решили написать эту книгу от лица вымышленного персонажа — Лиз Ландер. Она и будет говорить от нашего имени. Лиз — молодая учительница, какими когда-то были и мы. Она изо всех сил хочет достучаться до своих учеников и пробудить в них желание учиться. Все мы в свое время прошли этот путь. Лиз и будет нашим коллективным «Я».

Глава 1

Как справиться с чувствами, которые влияют на желание учиться

К решению стать педагогом меня подтолкнули воспоминания о моих собственных учителях — и о тех, кого я любила, и о тех, кого ненавидела.

У меня был огромный мысленный список всего того, чего я не должна никогда говорить своим ученикам и чего не должна делать в классе. Я точно знала, что должна быть бесконечно терпеливой и понимающей учительницей. Во время обучения в колледже я пришла к выводу, что должна учить детей так, чтобы им хотелось учиться.

Но первый же день в «реальном» классе стал для меня настоящим шоком. Я все спланировала, но оказалась совершенно не готова к общению с 32 школьниками. Передо мной сидели 32 ученика: из них ключом била энергия, они имели свои желания и потребности и постоянно орали. Половина первого урока ушла на препирательства: «Кто украл мой карандаш?», «Отстань от меня!», «Заткнись, я хочу послушать учительницу!».

Я притворялась, что ничего не слышу, и продолжала урок, но конфликты не прекращались: «Почему я дол-

жен сидеть рядом с ним?», «Я не понимаю, что нужно делать...», «Он меня ударил!», «Она первая начала!».

Мне стало не по себе, шум в классе все нарастал. Слова «терпение и понимание» как-то выветрились у меня из головы. Этому классу нужен был учитель с железной волей и выдержкой. И тут я услышала собственные слова:

— Успокойся! Никто не крал твоего карандаша!

— Ты должен сидеть рядом с ним, потому что я так сказала!

— Мне все равно, кто первый начал! Прекратите немедленно! Сейчас же!

— Почему это ты не понимаешь? Я только что все объяснила!

— Не могу поверить собственным глазам! Вы ведете себя как первоклассники! Немедленно успокойтесь!

Один мальчик не обращал на меня никакого внимания. Он вскочил из-за парты, подошел к точилке для карандашей и начал точить карандаш. Самым строгим голосом я приказала:

— Достаточно! Немедленно сядь на место!

— Вы не можете меня заставить, — ответил он.

— Мы поговорим об этом после уроков!

— Я не могу задерживаться. Мне нужно на автобус...

— Тогда мне придется вызвать в школу твоих родителей.

— Вы не сможете нам дозвониться. У нас нет телефона.

К трем часам дня я была полностью обессилена. Дети выбежали из класса и рассыпались по улицам. Слава богу! Теперь за них отвечают родители. Я свой срок отбыла.

Я откинулась на спинку кресла и уставилась на опустевшие парты. Что я сделала не так? Почему они меня не слушали? Что нужно сделать, чтобы достучаться до этих детей?

В первые месяцы моей работы в школе ситуация не менялась. Каждое утро я входила в класс с огромными надеждами, а к обеду чувствовала себя совершенно измотанной. Чтобы пройти требуемую программу, мне приходилось прикладывать все свои усилия. Но больше всего меня мучило то, что я постепенно превращалась в учителя того типа, который был мне неприятен больше всего. Я становилась злой и раздраженной, командовала и унижала своих учеников, а они становились все более упрямыми и бестолковыми. Время шло, и оставалось только гадать, сколько еще я выдержу.

На помощь мне пришла Джейн Дэвис, классный руководитель соседнего класса. Когда я излила ей душу, она принесла мне собственный экземпляр книги «Как разговаривать так, чтобы дети слушали, и как слушать так, чтобы дети говорили».

— Не знаю, поможет ли тебе, — сказала Джейн, — но эта книга буквально спасла меня! Без нее мои собственные дети давно свели бы меня с ума. Да и в классе мне стало легче справляться!

Я поблагодарила Джейн, взяла книгу, положила ее в портфель и забыла о ней. Через неделю я лежала в постели с простудой. Делать было нечего, и я открыла книгу, которую дала Джейн. Мне сразу же бросились в глаза слова, набранные курсивом:

Как говорить с детьми, чтобы они учились_____

Между чувствами и поведением детей существует прямая связь.

Когда дети испытывают правильные чувства, они правильно себя ведут.

Как же помочь им испытывать правильные чувства? Просто нужно понять и принять то, что они чувствуют!

Я откинулась на подушку и закрыла глаза. Могу ли я принять чувства моих учеников? Я стала прокручивать в голове диалоги с детьми, которые произошли у меня на этой неделе.

Ученик: Я не могу писать.

Я: Это неправда.

Ученик: Но я не могу придумать, о чем бы написать.

Я: Нет, можешь! Перестань жаловаться и начинай писать.

Ученик: Я ненавижу историю. Какое мне дело, что произошло сто лет назад?

Я: Тебе есть дело... Очень важно знать историю своей страны.

Ученик: Это скучно.

Я: Нет, не скучно! Если ты будешь серьезным, тебе будет интересно.

Удивительно! Я всегда твердила детям о праве каждой личности на собственное мнение и собственные

чувства. Но на практике получалось так, что, как только дети начинали выражать свои чувства, я тут же подавляла их. Начинала спорить с ними. Смысл моих слов заключался в одной простой фразе: «Твои чувства неправильны, поэтому ты должен слушать меня».

Я села в постели и попыталась вспомнить. А не так ли разговаривали со мной и мои учителя? Мне вспомнился один случай в старшем классе, когда я получила плохую оценку и учитель попытался успокоить меня.

— Тебе не о чем беспокоиться, Лиз, — сказал он. — Дело не в том, что у тебя нет способностей к геометрии. Ты просто не сосредоточилась. Тебе нужно было целиком сосредоточиться на задаче. Главная твоя проблема в том, что у тебя неправильное отношение к учебе.

Наверное, он был прав. У него были самые лучшие намерения, но после этого разговора я почувствовала себя глупой и бестолковой. В какой-то момент я даже перестала слушать учителя и просто наблюдала за тем, как двигались его усы, дожидаясь, когда он, наконец, закончит и я смогу уйти домой. Не те же ли чувства испытывают сейчас и мои ученики?

В течение нескольких недель я пыталась более чутко воспринимать чувства своих учеников и реагировать на них адекватно:

— Выбрать тему для сочинения действительно нелегко.

— Я знаю о твоём отношении к истории. Ты не понимаешь, почему людям есть дело до того, что происходило так давно.

Это сработало. Я сразу же заметила, что дети стали вести себя по-другому. Они кивали, смотрели мне прямо в глаза и больше со мной разговаривали. Но однажды Алекс заявил:

— Я не хочу идти на урок физкультуры, и никто меня не заставит!

Этого было достаточно. Я не стала мешкать ни минуты. Ледяным тоном я заявила:

— Ты пойдешь на урок или отправишься в кабинет директора!

Почему признать право ребенка на собственные чувства так трудно? За обедом я задала тот же вопрос вслух. За моим столом сидели Джейн и другие учителя. Я поделилась с ними своими мыслями по поводу прочитанного в книге.

На защиту учителей выступила член родительского комитета Мария Эстер.

— Вы учите столько детей, — сказала она, — и вам нужно научить их очень многому. Как же вы сможете обращать внимание на каждое сказанное слово?

Джейн задумалась.

— Если бы взрослые, — сказала она, — больше думали о своих словах, то нам не пришлось бы теперь от многого «отучаться». Это нужно признать. Все мы — продукт собственного прошлого. Мы разговариваем со своими учениками точно так же, как с нами разговаривали родители и учителя. Я знаю это по личному опыту. Даже дома, с собственными детьми, мне очень трудно отказаться от старого сценария. Чтобы перейти от «Это не больно. Это всего лишь маленькая царапина» к «Да, от царапин бывает больно!», мне пришлось много работать над собой.

Учитель физики, Кен Уотсон, очень удивился:

— Я что-то пропустил? — сказал он. — Не понимаю, в чем разница...

Я задумалась, пытаюсь найти пример, который позволит Кену понять разницу, а потом услышала слова Джейн.

— Представь, что ты — подросток, Кен, — сказала она. — И тебя только что приняли в школьную команду — баскетбольную, хоккейную... любую...

— В футбольную, — улыбнулся Кен.

— Хорошо, в футбольную, — кивнула Джейн. — А теперь представь, что ты пришел на первую тренировку, радостный и возбужденный. А тренер отозвал тебя в сторонку и сказал, что тебя уже исключили.

Кен застонал.

— А потом, — продолжала Джейн, — ты увидел в холле своего классного руководителя и решил рассказать ей о произошедшем. Представь, что я — учительница. Я могу отреагировать на твои слова по-разному. Поставь себя на место ребенка и представь, что он почувствует и подумает после моих слов.

Кен усмехнулся, достал ручку и потянулся за салфеткой. Вот несколько ситуаций, предложенных Джейн.

Отрицание чувств

— Ты расстраиваешься на пустом месте. Мир не перевернется из-за того, что тебя не приняли в команду. Забудь об этом.

Философская реакция

— Жизнь не всегда справедлива, но нужно научиться держать удар.

Совет

— Не стоит заикливаться на этой неудаче. Попробуй вступить в другую команду.

Вопросы

— Как ты думаешь, почему тебя не приняли? Другие игроки оказались лучше тебя? Что ты собираешься делать дальше?

Защита другой стороны

— Постарайся поставить себя на место тренера. Он хочет создать команду победителей. Ему нелегко решить, кто должен остаться, а кому стоит уйти.

Жалость

— О, бедняжка! Мне тебя так жаль. Ты так старался попасть в команду, но у тебя не вышло. Теперь об этом узнают все. Наверное, ты умираешь от смущения...

Любительский психоанализ

— Ты никогда не думал о том, что на самом деле тебя исключили из команды, потому что у тебя не лежала душа к этой игре? Думаю, что подсознательно ты сам хотел уйти из команды, поэтому все произошло правильно.

Кен умоляюще поднял руки.

— Стоп! — взмолился он. — Достаточно! Я все понял. Я спросила у Кена, можно ли посмотреть на его записи. Он подвинул ко мне салфетку, и я прочла вслух:

— Не учите меня, что я должен чувствовать.

— Не учите меня, что я должен делать.

— Вам никогда меня не понять.

— Засуньте свои вопросы... сами знаете куда!

— Вы готовы принять чью угодно сторону, но только не мою!

— Я неудачник.

— Больше никогда не буду ничего вам рассказывать!

— Надо же, — удивилась Мария, — я говорю своему сыну Марко практически то же самое, что Джейн сказала Кену. А что же нужно делать в такой ситуации?

— Нужно признать право ребенка на огорчение, — быстро ответила я.

— И как же это сделать? — спросила Мария.

Я не знала, что сказать, и посмотрела на Джейн в поисках поддержки. Она повернулась к Кену и посмотрела ему прямо в глаза.

— Кен, — сказала она, — наверное, это очень тяжело — быть исключенным из команды, когда ты был абсолютно уверен в том, что тебя приняли. Наверное, ты очень огорчен!

— Да, — кивнул Кен. — Это был тяжелый удар. Я очень огорчен. Честно говоря, мне стало легче от того, что кто-то наконец-то понял эту простую вещь!

После этого всем нам захотелось о многом рассказать друг другу. Мария призналась, что, когда она была ребенком, никто не понимал ее чувств.

— Как же мы сможем дать нашим ученикам то, чего никогда не получали сами? — спросил Кен.

Чтобы новая реакция на чувства детей стала для нас привычной, придется немало тренироваться. Я вызвалась предложить еще несколько примеров того, как можно уважительно отнестись к чувствам школьников. Вот небольшой комикс с изображением моих примеров. Его я показала моим друзьям спустя несколько дней.

Вместо отрицания чувств...

Когда чувства ученика отрицаются, он быстро теряет интерес к учебе.

Облекайте чувства в слова

Когда негативные чувства подтверждены и поняты, ученик охотно продолжает учебу.

Вместо критики и советов...

У учителя были самые добрые намерения, но когда ученика постоянно критикуют и дают советы, ему трудно задуматься над своей проблемой и принять на себя ответственность.

**Подтвердите чувства ребенка словами
или междометиями («Да?», «М-м-м», «Понимаю»)**

Сочувственная и понимающая реакция на огорчение ученика, кивки и подтверждения помогают ребенку сосредоточиться на своей проблеме и даже самому найти решение.

Вместо причин и объяснений...

Когда школьник отказывается прислушаться к здравому смыслу, это очень раздражает. Как же поступить в такой ситуации? Есть ли способ помочь девочке преодолеть свое нежелание заниматься?

**Дайте волю фантазии, хотя не можете
сделать это в реальности**

**Когда мы переводим желания школьника
в фантазию, ему легче справиться с реальностью.**

Вместо того чтобы игнорировать чувства...

Детям трудно изменить поведение,
если взрослые полностью игнорируют их чувства.

**Признайте право ребенка на чувства,
даже если его поведение неприемлемо**

**Детям легче изменить поведение,
когда их чувства поняты.**

Кен посмотрел на мои рисунки и покачал головой.

— В теории все звучит прекрасно, но мне кажется, что это лишняя нагрузка на учителей. Откуда нам взять время на то, чтобы помогать детям справляться с их чувствами?

Джейн оживилась.

— Время найти нетрудно, — сказала она. — Приходи в школу пораньше, уходи попозже, меньше времени трать на обед и забудь о туалете.

— Ну конечно, — кивнул Кен, — и в перерывах между планированием уроков, проверкой тетрадей, подготовкой расписания и выступлениями на конференциях (ну и между преподаванием как таковым) думай о том, что могут чувствовать твои ученики и как в фантазиях дать им то, чего они не могут получить в реальности.

Слушая Кена, я думала: «Может быть, я слишком много хочу от учителей...»

Джейн словно прочла мои мысли:

— Я знаю, что нагрузка у учителей очень велика. Но детям очень важно чувствовать, что их понимают. Вы же знаете, что когда дети расстроены, они *не могут* сосредоточиться. Они не могут усваивать новый материал. Если мы хотим освободить их разум, чтобы они могли мыслить и учиться, то нам нужно уважать их эмоции.

— И не только в школе, но и дома, — понимающе добавила Мария.

Мы повернулись к ней.

— Когда мне было девять лет, — сказала она, — наша семья переехала в другой город, и мне пришлось идти в

новую школу. У меня была очень строгая учительница. Когда я делала задание по арифметике, она возвращала мне тетрадку, где все неправильные ответы были перечеркнуты большими черными крестами. Она заставляла меня снова и снова переделывать упражнение, пока я не делала все правильно. Я так нервничала на ее уроках, что не могла думать. Иногда я даже пыталась списывать ответы у других детей. Накануне экзамена у меня всегда болел живот. Я говорила: «Мама, я боюсь». А она отвечала: «Бояться нечего. Просто постарайся все сделать как можно лучше». Отец тоже говорил: «Если ты все выучила, тебе нечего бояться». Но от этих слов мне становилось еще хуже.

Кен с интересом посмотрел на Марию.

— А если бы ваши родители сказали: «Похоже, этот экзамен действительно беспокоит тебя, Мария»? Вы почувствовали бы себя по-другому?

— Ну конечно! — воскликнула Мария. — Потому что тогда я смогла бы рассказать им о черных крестах, о том стыде, который испытывала, когда мне приходилось снова и снова все переделывать на глазах у всего класса.

Кен все еще был настроен скептически.

— Но разве вы смогли бы избавиться от беспокойства и лучше справиться с заданием по математике?

Мария задумалась.

— Думаю, да, — медленно ответила она, — если бы родители прислушались ко мне и позволили рассказать о своих страхах, то я набралась бы смелости и мне захотелось бы учиться лучше.

Через несколько дней после этого разговора мы снова обедали с Марией. Она улыбнулась и вытащила из сумочки маленькие свернутые листочки бумаги.

— Послушайте, что сказали мне на этой неделе мои дети, — сказала она. — Представьте, чего я не стала говорить своим детям после нашего разговора. Первая записка от моей дочери Аны Рут.

Мария развернула бумажку и прочитала: «Мама, учитель физкультуры заставил меня пробежать лишний круг за то, что я слишком медленно переодевалась, и все смотрели на меня».

Первым отозвался Кен:

— Ты не стала говорить: «А что должен был сделать учитель? Похвалить тебя? Вручить тебе медаль за то, что ты такая копуша?»

Все засмеялись, а Мария продолжила:

— А вот что сказал мне мой сын Марко: «Ма, пожалуйста, не злись, я потерял новые перчатки».

— Теперь моя очередь, — вызвалась Джейн. — «Что?! В этом месяце ты теряешь уже вторую пару. Ты думаешь, я печатаю деньги? В будущем, снимая перчатки, клади их в карман. А выходя из автобуса, проверяй сиденье и пол, чтобы они случайно не выпали!»

— А что в этом плохого? — удивился Кен. — Ты приучаешь ребенка к ответственности.

— Неправильно выбрано время.

— Почему?

— Когда человек тонет, не время давать ему уроки плавания.

— Гмм, — проворчал Кен. — Мне нужно над этим подумать... Хорошо, теперь твоя очередь, Лиз.

Мария взглянула на следующий листочек и сказала:

— Это тоже от Аны Рут: «Не знаю, хочу ли я и дальше играть в оркестре».

Я чуть не подпрыгнула на месте:

— Вы не сказали: «Мы столько денег потратили на уроки скрипки, а теперь ты говоришь, что хочешь все бросить! Твой отец очень расстроится, узнав об этом!»

Мария посмотрела на нас с изумлением:

— Откуда вы все узнали, чего я чуть было не сказала?

— Это очень легко, — улыбнулась Джейн. — Именно это говорили нам наши родители. Я постоянно ловлю себя на том, что говорю детям то же самое.

— Мария, — сказал Кен, — не томи нас. Что же ты действительно сказала детям?

— Когда Марко не смог найти новые перчатки, — ответила Мария, — я не стала ругать его. Я просто сказала: «Терять вещи очень неприятно... Как ты думаешь, не мог ты оставить перчатки в автобусе?» Он посмотрел на меня так, словно не мог поверить собственным ушам, и сказал, что на следующий день спросит у водителя.

Мария продолжала:

— А когда Ана Рут сказала, что учитель физкультуры заставил ее бегать перед всем классом, я ответила: «Ты, наверное, очень неловко себя чувствовала». Она ответила: «Да, да!» — а потом сменила тему, что для нее очень характерно, потому что она никогда мне ничего не рассказывает.

— Но самое удивительное случилось потом, — рассказывала Мария. — После урока музыки дочь ска-

зала, что не знает, хочет ли и дальше играть в оркестре. Она просто убила меня этими словами, но я сдержалась: «То есть ты и хочешь играть в оркестре, и не хочешь?» Ана Рут задумалась. А потом заговорила, и мне все стало ясно. Она сказала, что играть на скрипке ей нравится, но репетиции отнимают слишком много времени. Она почти не общается с друзьями, ей никто не звонит. Наверное, у нее вообще не осталось друзей. А потом она заплакала, а я стала ее утешать.

— О, Мария, — сказала я. Ее слова меня глубоко тронули.

— Забавно, правда? — спросила Джейн. — Ана Рут не могла сказать вам, что ее беспокоило на самом деле, пока вы не признали ее право на собственные чувства.

— Да, да, — энергично закивала Мария. — А как только вскрылась реальная проблема, Ана сама придумала, как помочь себе. На следующий день она сказала, что решила остаться в оркестре и поискать новых друзей там.

— Это же чудесно! — обрадовалась я.

— Да, — ответила Мария, слегка нахмурившись. — Но я рассказала вам только о хороших своих поступках. Я не сказала о том, что случилось, когда Марко сказал мне, что ненавидит мистера Петерсена.

— О-о-о... Это тяжело, — вздохнула я. — Вы ведь весь прошлый год помогали мистеру Петерсену?

Казалось, что Марии очень больно.

— Он очень хороший учитель, — прошептала она. — Очень серьезный.

— Я именно это и хотела сказать, — пояснила я. — Вы работали вместе. С одной стороны, вам хотелось поддержать сына. С другой, — вы высоко цените мистера Петерсена, и вам не хотелось критиковать его.

— Не только мистера Петерсена, — кивнула Мария. — Наверное, я немного старомодна, но считаю, что ребенок не должен плохо отзываться об учителях.

— Но, поддержав сына, — вмешалась Джейн, — вы же не обязаны были осуждать мистера Петерсена...

Джейн быстро набросала свой вариант типичной родительской реакции в ситуации, когда ребенок жалуется на учителя. А потом мы все вместе постарались придумать полезный диалог.

Наша проблема заключалась в том, чтобы не согласиться с ребенком и не унижить учителя. Вот к чему мы пришли:

Вместо критики, вопросов и советов...

Примите и поймите чувства и желания ребенка

Прозвонил звонок. Кен взял свой поднос и сказал:

— Я еще не уверен в том, что все это правильно. Может быть, для родителей это подходит, но мне кажется, что учителю достаточно быть достойным человеком, любить детей, знать свой предмет и уметь преподавать его.

— К сожалению, — возразила Джейн, выходя вместе с ним, — это не так. Если ты хочешь хорошо учить, тебе нужны ученики, которые эмоционально готовы слушать и учиться.

Я поспешила за ними, чувствуя, что надо что-то сказать, но не зная, что именно. По дороге домой в тот день я вспоминала наши разговоры на этой неделе и чувствовала, что во мне зреет новое убеждение.

Хотелось бы мне тогда сказать Кену:

Цель учителя — не просто передать ученикам факты и информацию.

Если мы хотим, чтобы наши ученики выросли настоящими людьми, то должны уважать и признавать их чувства.

Если мы ценим достоинство наших учеников, то должны разработать такие методы обучения, которые не ранят их достоинства.

Если мы хотим, чтобы наши ученики уважали себя и других, то для начала должны начать уважать их. А сделать это невозможно, если мы не станем проявлять уважения к их чувствам.

Вот что мне нужно было сказать Кену!

Памятка

ЧУВСТВА ДЕТЕЙ НУЖНО ПРИЗНАВАТЬ ДОМА И В ШКОЛЕ

- Ребенок:** Я получил тройку всего лишь из-за нескольких дурацких ошибок!
- Взрослый:** Не волнуйся. В следующий раз у тебя все получится.

Вместо того чтобы принижать значение чувств ребенка, вы можете:

1. Подтвердить чувства ребенка.

«Похоже, ты сильно расстроен. Очень обидно знать ответ и получить низкую оценку из-за простой описки».

2. Проявить солидарность с чувствами ребенка с помощью звуков или слов.

«О!», «М-м-м», «Да, да», «Понимаю».

3. Предложить ребенку в виде фантазии то, чего вы не можете дать в реальности.

«А здорово было бы иметь волшебный карандаш, который переставал бы писать, когда ты делаешь ошибку!»

4. Принять чувства ребенка даже в том случае, если вы вынуждены призвать его к прекращению неприемлемого поведения.

«Ты все еще расстроен из-за плохой оценки, но не следует пинать парту. Это неправильно. Лучше расскажи мне о том, что тебя тревожит, или можешь все это нарисовать».

Вопросы и истории родителей и учителей

Вопросы родителей

1. Мой семилетний сын Билли часто злится, когда делает домашнее задание. Если он не может решить пример, то вырывает листок из тетради, швыряет его на пол или ломает карандаш. Как справиться с выплесками негативной энергии?

Кто-то из родителей должен помочь Билли понять свои чувства и справиться с ними. Ему нужно услышать что-то вроде: «Когда не можешь найти ответ, это всегда очень неприятно! Я понимаю, что тебе хочется рвать и метать, Билли. Когда ты так себя чувствуешь, то всегда можешь сказать: «Папа, я так зол! Ты не можешь помочь мне?» Возможно, тогда мы сможем сделать домашнее задание вместе».

2. На прошлой неделе моя 13-летняя дочь была так расстроена, что не могла делать домашние задания и готовиться к экзаменам. Она по секрету сказала своей лучшей подруге, что «влюбилась» в одного мальчика, а та тут же рассказала об этом тому самому мальчику. Когда я узнала, что дочь чувствует себя преданной, то сразу не сообразила, что ей сказать и какой дать совет. Что мне нужно было сделать?

Давая совет, даже тот, о котором вас попросили («Мама, что мне делать?»), всегда сталкиваешься с определенной опасностью. Ребенок находится в сложном эмоциональ-

ном состоянии и может просто не прислушаться к вашим словам. Ему слишком больно. Ваш самый добрый совет может показаться неподходящим («Какое все это имеет отношение ко мне?») или унижительным («Ты думаешь, я такая глупая, что не могу разобраться со своими проблемами сама?»). Ребенок может счесть совет вмешательством в личную жизнь («Не диктуй мне, что я должна делать!») или даже угрозой («Все это очень хорошо, но я этого никогда не смогу сделать!»).

Прежде чем ваша дочь начнет обдумывать варианты решения своей проблемы, она может поделиться с вами рядом соображений: «Нужно ли мне ссориться с подругой? А как? Можно ли доверять ей в будущем? Нужно ли сохранять отношения с ней? Нужно ли что-нибудь сказать тому мальчику? А если нужно, то что?» Все это очень серьезные вопросы, ответив на которые ваша дочь сможет лучше понять природу человеческих отношений. Давая ей конкретный совет, вы лишите девочку возможности получить жизненный опыт.

3. Вы считаете, что ребенку вовсе не нужно давать советов?

После того как ребенок вас выслушал, вы можете ненавязчиво спросить: «Как ты относишься к...?», «Как ты думаешь, а не поможет ли...?», «Не стоило ли сделать...?», «Как тебе кажется, что произойдет, если ты...?». Давая ребенку возможность принять, отвергнуть или проанализировать ваши предложения, вы делаете его более восприимчивым к вашим мыслям и советам.

4. В последнее время мой сын постоянно бродит по дому и ругает своего учителя политологии: «Он заставляет нас каждый день читать газеты! Каждую неделю у нас устраиваются дебаты и контрольные. Никто не заставляет нас так много работать, как мистер М.!» Я не знаю, как реагировать. Мне уже становится жалко сына.

Вашему сыну не нужна жалость. Ему нужно, чтобы вы его поняли и поддержали в его протесте. Попробуйте воспользоваться нашими предложениями:

«Судя по всему, мистер М. очень серьезно относится к работе».

«Похоже, ты действительно испытываешь серьезный прессинг!»

«А вот если бы ты был учителем, то устраивал бы для своих учеников каникулы каждую неделю...»

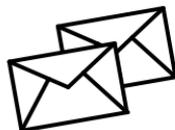
«Похоже, мистер М. — жесткий и требовательный учитель. Наверное, нелегко соответствовать его высоким требованиям».

5. Что делать, если ребенок отказывается рассказывать о том, что его беспокоит?

У взрослых людей всегда бывают чувства, о которых не хочется рассказывать другим — в данный момент или всегда. Некоторые из нас предпочитают во всем разбираться самостоятельно. Дети точно такие же. Когда им хочется самим разобраться в собственных чувствах, это сразу же понятно. В ответ даже на самое сочувственное замечание, вроде «Похоже, сегодня произошло что-то неприятное?», ребенок отворачивается, уходит в свою

комнату или честно признается: «Я не хочу об этом говорить». В таком случае вы должны просто дать ему понять, что всегда готовы прийти на помощь, если он изменит свое мнение.

Родительские истории

Первую историю нам прислала женщина, муж которой помог сыну справиться с проблемами, возникшими во время первой школьной недели.

Учебный год только начался, и я изо всех сил старалась уложить детей спать пораньше. Все согласилось, кроме девятилетнего Энтони. Он продолжал канючить и спорить со мной. Что бы я ни говорила, идти спать он не соглашался. В конце концов я сказала мужу: «Джо, поговори со своим сыном, потому что мои нервы на пределе!» И вот что произошло дальше:

Джо: Тони, я хочу с тобой поговорить. Мама говорит, что ты ее не слушаешься. Что происходит? Похоже, тебя что-то мучает?

Энтони: У меня очень много проблем...

Джо: Тогда расскажи мне о них. Давай поговорим в твоей комнате.

Они вместе отправились в комнату Энтони. Через двадцать минут Джо вышел оттуда, очень довольный собой.

- Я:** Что случилось?
- Джо:** Ничего. Я просто уложил ребенка спать.
- Я:** Как тебе это удалось?
- Джо:** Я записал все его проблемы.
- Я:** И все?
- Джо:** Я прочел ему список.
- Я:** А что произошло дальше?
- Джо:** Я сказал, что в выходные помогу ему разобраться с этими проблемами. Он положил список под подушку, надел пижаму и лег спать.

На следующее утро я меняла постельное белье на постели Энтони. Листок со списком упал на пол. Вот что в нем было написано:

Что беспокоит Энтони

1. Беспорядок в шкафу и комнате.
Недостаточно места.
2. Для школы нужна новая одежда.
3. Школьная нагрузка очень велика, приходится носить с собой слишком много книг. (Мы только что начали учиться, а нам уже столько задают!)
4. Нужно больше денег на школьные завтраки.
5. Сломался велосипед. Цепь постоянно соскальзывает.
6. Под стиральную машину закатилась монетка. (Денег и так мало, а они еще и теряются.)
7. Все денежные проблемы можно было бы решить, если бы папа выписал чек на сто долларов.

Читая этот список, я улыбалась. Вам кажется, что только у взрослых бывают «серьезные» проблемы. Очень легко забыть, что детские проблемы ничуть не менее серьезны. Детям, как и взрослым, нужно, чтобы кто-то их выслушал и серьезно отнесся к их трудностям.

А этой женщине удалось помочь своей дочери справиться с процессом подачи документов в институт.

Почти все одноклассники моей дочери уже подали документы в институт, кроме нее. Карен привыкла все откладывать на последний момент, но на этот раз дело зашло слишком далеко. Я пыталась не пилить ее, но при каждом удобном случае напоминала об этой проблеме. Все мои слова пропали втуне. Наконец, в дело вмешался отец. Он серьезно поговорил с Карен и попытался убедить ее в том, что пора уже задуматься над вопросом высшего образования. Он был очень терпелив и рассказал ей об институтах то, что, как ему казалось, ей нужно знать. Он даже помог ей составить документы. Карен пообещала подготовить все к выходным, но не сделала этого.

Дни шли. Я начала нервничать и кричать на дочь. Я строго сказала, что если она не отправит документы немедленно, то вообще не сможет поступить в престижный институт. Мои слова действия не возымели.

И вдруг меня посетило вдохновение (наверное, от отчаяния). Я сказала: «Я понимаю, подавать документы в институт непросто. Нужно отвечать на массу во-

просов да еще писать сочинение... Неудивительно, что многие откладывают это дело на самый последний момент».

Дочь очень обрадовалась.

Я продолжала: «Как было бы здорово, если бы эти документы вообще отменили, а в каждом институте были бы приемные комиссии, состоящие из телепатов! Тогда всем было бы ясно, какое счастье им привалило, что ты хочешь к ним поступить! Тебя буквально завалили бы предложениями!».

Карен рассмеялась и ушла в свою комнату. На следующий день она начала заполнять документы, и к концу недели они были отосланы!

А вот какой историей с нами поделилась женщина, которой пришлось бороться с серьезной и долгой болезнью сына.

Когда моему сыну было около одиннадцати лет, ему установили кардиостимулятор. Кроме того, ему пришлось носить специальные очки, которые поддерживали его слабые веки. А теперь ему понадобился еще и слуховой аппарат. Когда мы возвращались домой от врача, сын сказал: «Лучше не покупай этот дурацкий аппарат... Все равно в школе я его носить не смогу. Я просто выброшу его в мусорную корзину или в туалет!»

Я вела машину и не могла отвлекаться, но сердце у меня разрывалось. Я умела владеть собой и давно поняла, что лучше промолчать, чем сказать то, что

только усугубит ситуацию. Сын посмотрел на меня и спросил: «Ты слышала, что я сказал?»

Я ответила (благодарение богу!): «Я слышу мальчика, которому просто ненавистна сама мысль о слуховом аппарате и которому кажется, что это самая худшая вещь, какую только можно себе представить!»

Сын на мгновение задумался, а потом сказал: «Да... И если кто-нибудь в школе будет надо мной смеяться, я больше никогда не надену эту штуку!»

Я помолчала и предложила: «Может быть, попросить парикмахера подстричь тебя немного иначе, чтобы на висках волосы были чуть длиннее?»

Сын обрадовался: «Да, давай так и сделаем!»

У меня отлегло от сердца. Я была очень рада, что научилась правильно разговаривать с ребенком.

Вопросы учителей

1. Должен ли я учитывать чувства своих учеников? Разве это не работа психолога? У меня на преподавание-то времени не хватает...

Иногда то, что кажется нам кружным путем, оказывается самым прямым и близким. Может быть, лучше потратить несколько минут на то, чтобы разобраться с чувствами своего ученика, чем потом решать проблему, которая потребует массы драгоценного учебного времени. Кроме того, поведя себя подобным образом, вы поможете ребенку, оказавшемуся в затруднительном положении.

2. Когда я расспрашиваю учеников об их чувствах, они ничего мне не говорят, а отделиваются пустыми отговорками. Почему это происходит?

Когда взрослые начинают расспрашивать детей об их чувствах, те испытывают эмоциональный дискомфорт. «Что ты почувствовал?.. А что ты чувствуешь теперь?.. Злость?.. Страх?.. Почему ты испытываешь именно эти чувства?» Подобные вопросы заставляют детей замкнуться в себе. Особенно неприятны им вопросы, связанные с тем, почему они испытывают те или иные чувства. Само слово «почему» заставляет ребенка оценивать свои чувства, искать логические, приемлемые для взрослых причины их возникновения. Очень часто ребенок просто не знает причины. Ему недостает психологических знаний, чтобы ответить вам: «Когда дети на автобусной остановке стали меня дразнить, это нанесло сильный удар по моей самооценке».

Когда ребенок несчастлив, ему нужно, чтобы родитель или учитель понял, что происходит в его душе: «Когда тебя дразнят, это очень больно. Какова бы ни была причина, это всегда неприятно». Тем самым вы покажете ребенку, что если он хочет поговорить на эту тему, то рядом с ним есть понимающий и сочувствующий взрослый.

3. Вы говорите, что нужно понимать и принимать даже худшие чувства детей. Но не истолкуют ли ученики подобное поведение как разрешение выплескивать эти самые чувства?

Нет, если вам удастся провести четкую границу между чувствами и поведением. Да, ученики имеют право ис-

пытывать гнев и выразить его. Нет, они не имеют права вести себя таким образом, чтобы причинять другим людям физический или эмоциональный вред. Можно, например, сказать Дэвиду: «Ты был очень груб с Майклом и даже попытался его ударить. Дэвид, я не могу позволить, чтобы мои ученики дрались между собой. Скажи Майклу о своих чувствах словами, а не кулаками».

4. У меня есть старшеклассник из неблагополучной семьи. Мне очень трудно проявлять понимание, когда он заявляет: «Я вас ненавижу» или «Вы врете» или употребляет слова, которых я не могу даже повторить. Я никогда не знаю, как реагировать на подобное поведение. Можете ли вы мне что-нибудь предложить?

Иногда трудные дети сознательно испытывают своих учителей, заставляя их злиться или переходить в оборонительную позицию. Дети любят «потянуть за поводок» и втянуть учителя в долгую и бесполезную перепалку на радость всему классу. Вместо того чтобы проявлять враждебность, вы можете спокойно сказать: «Мне не нравится то, что я только что услышала. Если ты зол, вырази свой гнев другим образом, и тогда я тебя выслушаю».

5. Одна из моих учениц недавно рассказала мне о своих домашних проблемах. Ее родители и брат постоянно ругаются между собой. Я сказала: «Я понимаю, как это все тебя огорчает, но подумай о том, за что ты можешь быть им благодарна». Ученица расплакалась. Что я сделала неверно?

Остерегайтесь союза «но». Этот союз сразу же отрицает только что высказанную эмоцию и посылает сигнал: «А теперь я объясню тебе, почему твои чувства не имеют никакого значения». Детям нужно, чтобы вы приняли их эмоции и чувства, а не оценивали их. («Понимаю, как тебя огорчает то, что происходит дома... Тебе хотелось бы, чтобы родные лучше ладили между собой».) Постарайтесь продемонстрировать полное и безоговорочное понимание, и тогда ваш юный собеседник без страха начнет справляться со своими проблемами.

Учительские истории

Первую историю нам рассказала воспитательница двуязычной группы в детском саду.

Прошло несколько недель с начала учебного года, и в нашей группе появился новый мальчик. Их семья недавно переехала в наш район. Мама привела его в группу, представила воспитательнице и быстро ушла. Та улыбнулась малышу, отвела его на свободное место, дала ему карандаши и бумагу и объяснила, что дети рисуют членов своей семьи. Мальчик сразу же разрыдался. Воспитательница сказала: «Нет, нет! No lloros». (Не плачь!) Я подошла, чтобы успокоить ребенка, но воспитательница отозвала меня в сторону. «Оставьте его в покое, — резко сказала она, — иначе он будет плакать весь день». А потом она вернулась за стол заканчивать свой отчет.

Я попыталась не обращать на плачущего мальчика внимания, но он плакал так жалобно, что я не выдержала. Я села рядом с ним и погладила его по плечу. Он уронил голову на стол и плакал: «Quiero mi mamá... Quiero mamá!» Я шепнула ему на ухо: «Quieres tu mamá?» («Ты хочешь мамочку?») Он посмотрел на меня полными слез глазами и ответил: «Sí». («Да».)

По-испански я сказала ему: «Расставаться с мамой всегда тяжело. Даже когда знаешь, что скоро увидишь ее снова, ждать так тяжело. Может быть, мы нарисуем твою маму?» Я взяла карандаш, нарисовала кружочек, обозначила нос и рот. А потом я отдала карандаш мальчику и сказала: «Ну-ка, нарисуй глазки!»

Он перестал плакать, вцепился в карандаш и поставил две крохотные точки. Я сказала: «Ты нарисовал ей глаза. А какого цвета у нее волосы?» Мальчик взял черный карандаш и стал рисовать волосы. Когда я отошла, он увлеченно продолжал рисовать.

Я была очень рада. Конечно, я могла не обращать на него внимания, и он, возможно, успокоился бы. Но, подтвердив его право чувствовать себя несчастным, я помогла этому ребенку справиться со своими чувствами.

Следующую историю нам рассказал учитель младших классов. Ему удалось остановить драку, подтвердив право каждого из противников на негативные чувства.

Я услышал крик и увидел, что двое мальчишек сцепились в драке. Я подбежал и оттащил прочь Мануэля,

который уже оседлал Хулио и изо всех сил колотил его по спине. Вот что произошло, когда я растащил мальчишек.

Я: Ребята, вы убьете друг друга!

Мануэль: Он пнул меня между ног!

Я: Это действительно очень больно! Неудивительно, что ты так разозлился!

Хулио: А он ударил меня под дых!

Я: Так вот почему ты пнул его...

Мануэль: Он забрал мои картофельные чипсы!

Я: Понимаю... Это тебя по-настоящему разозлило. Уверен, что теперь Хулио знает, что ты никому не отдашь своих чипсов. Он больше не будет этого делать.

Мануэль: Конечно, не будет.

Мальчишки стояли и сверкали глазами друг на друга.

Я: Похоже, вам нужно немного остыть, прежде чем вы снова станете друзьями.

Так и вышло. В тот же день после уроков я видел, как ребята шли вместе и смеялись. Увидев меня, Хулио крикнул: «Вот видите, мы снова друзья!»

А вот последняя история. Ее рассказала нам учительница, ученики которой были потрясены начавшейся войной.

На следующий день после начала войны в Персидском заливе многие мои ученики выглядели испуганными и нервными. Я подумала, что лучше всего будет рассказать им об этих событиях в исторической перспективе. Поэтому я подготовила обзор других крупных войн, в которых участвовали Соединенные Штаты. Начала я с войны за независимость. Когда я объявила тему урока, ученики замолчали. Одна девочка сказала: «Миссис Риттер, не могли бы мы поговорить на другую тему? Давайте поговорим о том, как мы относимся к войне».

Ученики настороженно смотрели на меня. Я спросила: «Вы все хотите поговорить на эту тему?» Они закивали. Я была тронута доверием детей, которые не побоялись попросить меня изменить тему урока.

Начал один из мальчиков. «Война — большая глупость», — мрачно сказал он.

Все взоры обратились на меня. Дети ждали, какой будет моя реакция. «Я вижу, что эта тема глубоко тебя волнует, — сказала я. — Расскажи нам о своих мыслях».

Дети немного расслабились. Следующие полчаса ученики по очереди делились со мной и друг с другом самыми серьезными своими страхами и тревогами. Потом кто-то сказал: «Давайте напишем об этом. Можно?» «Отлично, — подумала я. — Будет очень хорошо, если они смогут найти творческое выражение для своих сильных чувств».

Дети открыли тетради и стали писать. В классе воцарилась полная тишина. В конце урока я спросила, не хочет ли кто-нибудь прочитать свое сочинение вслух. Захотели многие. Вот выдержки из трех сочинений.

Как говорить с детьми, чтобы они учились _____

Напуганные, оторванные от дома, они сражаются и отдают свои жизни за то, что можно было предотвратить.

Во время войны можно услышать множество разных звуков: рев канонады, крики о помощи. Но громче всего рыдания людей, чьи близкие погибают на войне.

Сильвия

Множество невинных людей погибнет. Еще больше людей будет страдать. Когда у детей умирают мамы и папы, дети плачут, дети боятся. Они не понимают, почему это происходит.

Джозеф

В конце урока настроение в классе изменилось. Казалось, что черная туча, придавившая всех вокруг, ушла. Дети поделились общей болью. Мы почувствовали, что стали ближе друг другу. В тот день никто не был одинок.

Джейми